

Н. М. МОРОЗОВ

ПРИНЦИПЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ ЛОКАЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В статье рассмотрены принципы холизма, психологизма, историзма и связанные с ними научные проблемы, в сумме конкретизирующие подход к историческому познанию локальной цивилизации как целого и в её контексте – пониманию цивилизационной специфики социальных структур.

Ключевые слова: локальная цивилизация, цивилизационный подход, теория локальной цивилизации, принцип холизма, принцип психологизма, принцип историзма.

Проблема комплектации методологического аппарата принципами, в совокупности оптимальными для исследования той или иной темы, по существу, неисчерпаема, является дискуссионной и постоянно будируется научным сообществом¹. Способы её решения и уровень обоснованности диагностируются с помощью экспертизы мобилизуемого аналитического ресурса (инструментария индивидуальной творческой лаборатории) на предмет соответствия общепринятым в данное время стандартам научности и сложившимся теоретическим предпочтениям, перспективы получения дополнительных возможностей приближения к ясному изложению и исчерпывающему обоснованию собственной модели понимания/объяснения прошлого, анализа и использования накопленного исторического знания, введения в оборот новых фактов.

Всё сказанное в полной мере относится к отечественной практике изучения в течение последней четверти века феномена локальной цивилизации (кстати, наполненной нередко острыми, непродолжительными, но так и не законченными дискуссиями о смыслах понятий, составивших название данной статьи), которую сопровождал поиск составляющих логичного для данной области знаний цивилизационного подхода². Заметим, что и в настоящее время представления о перечне его принципов у многих специалистов остаются смутными, опирающимися на рассуждения философов и культурологов о базовых ценностях населения.

Ещё в конце 1980-х гг. на одном из «круглых столов» Л.Б. Алаев³, предлагая своё видение конфигурации анализа исторической системности

---

¹ См.: Николаева. 2010; Рамазанов. 2013; Репина. 2010 и др.

² См.: Барз. 1993; Книжников. 1999; Коваль. 1996. С. 6–21; Ковальченко. 1995. С. 78–79; Могильницкий. 2012. С. 42; Панфилова. 1993. С. 89; Радугин. 2004. С. 14–20; Сенявский. 2002. С. 59–69; Следзевский. 2002. С. 21–28 и др.

³ Формации. 1989. С. 37.

в координатах: по оси времени (этапы, формации), по оси пространства (культуры, цивилизации, особые пути развития), обозначил ставшее затем популярным разделение таким способом сфер между формационным и цивилизационным подходами⁴. К началу 2000-х годов было расширено понимание принципа системности установкой на допустимость множества описаний структуры цивилизации и декларацией таких её признаков, как многообразие, многоуровневость, многоплановость, масштабность (В.Ф. Шаповалов)⁵, многофакторность (Г.А. Гизатуллина, К.В. Хвостова)⁶, многомерность (В.Ж. Келле, А.В. Лубский)⁷. Включая в методологический аппарат указанные категории, учёные не преследовали цель отойти от их общесоциологических смыслов, раскрывавших, по мнению Ю.А. Полякова, содержание «исторического процесса как комплексного, отражающего многослойность всех существующих человеческих обществ (кроме первобытного) и множественность влияющих на него локальных и всеобщих, постоянных и преходящих факторов»⁸.

Впрочем, подавляющее большинство отечественных историков, особенно работавших по региональной тематике, явно и не выражало заинтересованности в том, чтобы дополнить цивилизационной аналитикой доминирующую в их творчестве стратегию, базирующуюся на принципах позитивизма, марксизма и классической рациональности, и причина верности им заключалась не только в незавершённой смене поколений исследователей, состоянии теоретической подготовки научных кадров и влиянии прочих факторов, питающих консервативное отношение к ранее накопленному методологическому опыту. Указанные подходы сохраняют свою продуктивность (и пока удовлетворяют образовательные запросы массового читателя) в условиях выполнения чрезвычайно объёмного социального заказа со стороны общества в написании истории многочисленных регионов и ещё большего числа социальных институтов, раскрывающей преимущественно политико-экономические аспекты динамики сфер жизнедеятельности, узнаваемые обыденным сознанием. К тому же на реализацию этого заказа направлены усилия наличествующей сравнительно немногочисленной группы профессионалов, защитившихся, в большинстве своём, по специальности 07.00.02, ориентированной на изучение истории государства как системообразующего фактора в российском обществе, обречённой периодически (в связи с очердным измене-

⁴ Кондаков. 2011. С. 14–23; Философия. 1999. С. 201.

⁵ Шаповалов. 2001. С. 20.

⁶ Гизатуллина. 2001. С. 55; Хвостова. 2006. С. 95.

⁷ Келле. 2002. С. 40; Лубский. 2004.

⁸ Поляков. 2003. С. 5.

нием политической обстановки в стране и ослаблением (усилением) цензуры) возвращаться к корректировке ранее уже описанных событий.

Тем не менее на рубеже XX–XXI вв. антропологический и лингвистический повороты, затронувшие исторические науки, способствовали постановке проблемы «человек в обществе», обнажившей наличие более глубоких, чем экономическая предопределённость, истоков особенного в социальном мышлении и поведении личности и социальных групп, а также различий в психологии больших масс, в своё время разделивших народы по цивилизациям. Не учитывать данный фактор не может исследователь, осознающий ограниченные репрезентативные возможности «лежащих на поверхности» причинно-следственных связей.

В современной историографии уже имеются добротные работы с анализом идей в области исторического знания о локальной цивилизации, высказанных зарубежными и русскими мыслителями⁹. В то же время в научном сообществе, хорошо знакомом с концепциями Н.Я. Данилевского, А.Дж. Тойнби, О. Шпенглера, П.А. Сорокина и других классиков, ещё не определена группа исходных утверждений, на основании которых можно в теоретическом плане корректно объяснить цивилизационную специфику исторических событий и явлений. Поставим задачу рассмотреть некоторые принципы и связанные с ними научные проблемы, выявленные в ходе изучения накопленного методологического опыта и маркирующие, как полагаем, цивилизационный подход.

В эпистемологии принципы рассматриваются как базовые понятия, определяющие «принятые в науке коренные способы подхода к изучению исследуемого ею материала»¹⁰, в согласованном состоянии образующие основание, из которого выводятся все остальные умозаключения. Они, по существу, намечают вектор исследования и ориентируют на выбор параметров научности, с помощью которых, как думает тот или иной автор, можно решить поставленные задачи и достичь намеченной цели. Так, **принцип холизма** способствует формированию представлений о пространстве цивилизации как целостности, свойства которой не должны сводиться к свойствам составляющих его структур (элементов) и связей, но в их понимании, должно непременно присутствовать ощущение целого как контекста¹¹. Он санкционирует конструирование модели интерпретации размерности предмета исследования при наличии в литературе множества суждений о возможных составля-

⁹ См.: Емельянов-Лукьянчиков. 2008; Ионов. 2007; Могильницкий. 2001. С. 31–49, 92–144; Могильницкий. 2003. С. 6–110; Свистунов. 2005. С. 37–70 и др.

¹⁰ Шейджен. 2001. С. 18, 20.

¹¹ Хут. 2010. С. 35.

ющих её компонентах. В этой связи, чтобы избежать эклектики, важно определиться с критериями, по которым встреченные идеи можно отнести к конкурирующим или комплементарным.

Сказанное непосредственно относится к проблемному полю цивилизационного знания, разделённому между двумя взаимоисключающими стратегиями. Современные последователи одной из них (А.М. Ковалёв, Л.Г. Олех и др.)¹² в духе традиции французских мыслителей Нового времени видели в цивилизации стадию, фазу, этап развития или способ существования общества. Новизна точек зрения указанных авторов заключалась в попытках обогатить формационную аналитику элементами культурологической, но в содержательном плане по-прежнему отмечалась детерминация материальными факторами и приоритетами государства, поэтому цивилизационное измерение истории больше напоминало характерное для советской историографии историко-социологическое.

Указанная стратегия была усвоена учёными, которые, говоря словами И.Н. Ионова «пытались воспроизвести в концепции цивилизаций формационную стадиальную схему или воспроизводили привычное деление исторического мира по принципу Запад – Восток (читай: развитие – застой, общее – особенное, системное – несистемное и тому подобное)»¹³. На отсутствие формальных критериев выделения цивилизационных стадий указывал Ю.Н. Мельников¹⁴. Авторы, по его мнению, активно использовали «территорию» других аналитических моделей истории: формационной, модернизационной, всемирно-исторической, мир-системной. В таком «рамочном» положении цивилизационный контекст, обслуживая «чужие» проблемные поля, терял самостоятельное познавательное значение, был избыточным. По существу, речь шла о том или ином этапе развития социальных технологий, о которых писал А.И. Ракилов¹⁵, гарантировавших в определённый период стабильность общества.

Другую стратегию развивали сторонники взглядов, например, на Россию или Западную Европу, как на локальные цивилизации, существующие в виде целостного социального организма с полным жизненным циклом «зарождение – расцвет – упадок», полагавшие в основу разрабатываемых концепций идеи о консолидирующей роли опреде-

---

¹² См.: Ковалёв. 2003; Олех. 1994 и др.

¹³ Ионов. 1994. С. 185.

¹⁴ Мельников. 2005. С. 36.

¹⁵ Согласно А.И. Ракилову, в широком философском смысле технологии, характерные для определённого отрезка истории, представляют собой динамичную, иерархически построенную, полиструктурную, культурно и социально обусловленную функционирующую систему (Ракилов. 1992. С. 7).

лённого сочетания факторов: конфессионального, территориального, социокультурного, природно-климатического, этнического, событийного, институционального и т.д. В работах В.И. Большакова, А.В. Лубско-го, О.А. Платонова¹⁶ и многих других подчёркивалось влияние традиций и ментальных структур на формирование тех особенностей во всех сферах жизнедеятельности общества, которые его выделяют в ряду остальных, аналогичных по масштабу, как правило, не совпадающих с границами одного государства.

Категория пространства в широком значении как форма существования материи, проявляющаяся в свойстве объектов иметь отношения¹⁷, «как протяжённость и порядок сосуществования материальных объектов»¹⁸, является одной из ключевых в осмыслении локальной цивилизации как целого и предполагает опору на понимание её системы в строго определенном качестве, которая не может упрощённо рассматриваться вместилищем всех известных разнопорядковых социальных структур.

Несомненно, постижение целого для исследователя всегда будет горизонтом желаемого, заявляемой, но практически нереализуемой целью, к которой следует стремиться в условиях извилистого пути и неисчерпаемости процесса познания. Возможность избежать долгих блужданий по лабиринтам исторических смыслов и тупикам, сложившимся в семантике цивилизационного знания, появляется вместе с чётким определением ряда понятий («локальная цивилизация», «цивилизационный подход, «теория локальной цивилизации»), которые бесспорно являются базовыми. Допущение двусмысленности, несоразмерности смысловых элементов в их дефинициях ведёт к незавершённости авторской концепции или хуже того, проникновению в последующие умозаключения ложных посылов.

Выйти на адекватное понимание масштаба пространства локальной цивилизации позволяет методика построения её определения в классическом варианте через ближайшие родовидовые отличия, дающие более точные соотношения понятий по объёму. Методика отражает известную максиму, что «вообще всякая наука стремится к тому, чтобы скомпоновать всю совокупность своих понятий в единую систему, составленную из нескольких последовательно нисходящих родовидовых ярусов: самые фундаментальные понятия разветвляются на некоторое число видов, те в свою очередь дробятся на подвиды и так далее»¹⁹.

---

¹⁶ См.: Большаков. 1999; Лубский. 2004; Платонов. 2010 и др.

¹⁷ Дука. 2001. С. 80.

¹⁸ Философия. 2002. С. 235.

¹⁹ Попов. 1999. С. 24.

В отечественной историографии с начала 1970-х сложилась традиция различать пространства по жизненным сферам, как, например, географическое, биологическое, этническое, классовое, геополитическое, культурное, биосферное и многие другие, имеющие свои свойства. Поиск изначальной природы особенного в социальной практике народов позволил некоторым исследователям небезосновательно рассматривать этническое пространство в качестве ядра социального²⁰ и выделить его предельный размер – суперэтнос²¹. Если руководствоваться указанной выше методикой, то в иерархии социальных систем верхним родовидовым уровнем следует считать человечество вообще. Имея в виду, что для составления дефиниции локальной цивилизации эти идеи являются необходимым, но недостаточным условием, но порцию дополнительно обоснования мы получим при рассмотрении следующих принципов, определим её как часть человечества, проживающую в пространстве и во времени суперэтноса, объединённую комплементарными многовековыми традициями в социальном мышлении и самоорганизации.

В представленной дефиниции ключевое понятие приобретает самостоятельное познавательное значение и «работает» в собственном проблемном поле. Так, конкретизация социального мышления показывает, что на следующем нисходящем уровне представители когнитивных наук различают его типы – религиозное, экономическое, политическое, обыденное, научное, эстетическое, культурно-символическое, психический склад этноса и др. синтезирующие в духовной сфере уникальный опыт поколений. А в историко-социологических знаниях традиции самоорганизации связываются с формами расселения людей, технологическими укладами, способами производства, моделями государственного и иного управления, социальным строем и бытовым укладом. В их пространственно-временных конфигурациях материализовывались общие черты и особенные свойства каждой из локальных

---

²⁰ Гумилёв. 2007. С. 44; Кибасова. 2004. С. 48.

²¹ Современные представления о феномене суперэтноса получены с помощью географического подхода Л.Н. Гумилёва, согласно которому – это «этническая система, состоящая из нескольких этносов, возникших одновременно в одном ландшафтном регионе, проявляющаяся в истории как мозаичная целостность», и культурно-исторического подхода Э.Т. Майбороды, определяющей суперэтнос в виде системы этносов, возникающей на основе государственно-политических и культурологических факторов, ведущей к появлению двойного идентификационного самосознания, что закрепляется в самоназвании (этнониме). «Суперэтнос как системное образование соответствует ряду критериев, присущих сложной системе: функциональность, целостность, эмерджентность, автономность существования, объективность границ, интегрированность». (Гумилёв. 2001. С. 546; Майборода. 1998. С. 11).

цивилизаций, которые в целом небезуспешно обнаруживали отечественные и зарубежные учёные. В этой связи цивилизационный подход выступает методологическим направлением (стратегией), обеспечивающим изучение процессов формирования и функционирования в рамках пространства и времени суперэтноса комплементарных многовековых традиций в социальном мышлении и самоорганизации.

Предложенная интерпретация принципа холизма (как и других, ниже приведённых) и связанные с ним проблемы способствуют осознанию важности ещё одной из них – выбора эпистемологической основы исследования. Данная методологическая компонента помогает следовать сложившимся теоретическим предпочтениям и может служить относительно надёжным инструментом обнаружения элементов эклектики, определяемой с помощью концепции В.С. Стёпина о формах и контексте взаимодействия элементов знаний, характерных для классического, неклассического и нео-(пост)классического типов рациональности²². На их основе в начале 2000-х гг. были сформулированы соответствующие комплексы базовых утверждений об отношениях между объектом и субъектом познания, смысле(ах) истины, классифицированы способы познания окружающего мира и другие параметры научности²³.

Каждый последующий, качественно новый тип рациональности не просто сменяет предыдущий, но также включает его элементы. Отчасти указанной эпистемологической преемственностью можно объяснить связь между тенденциями в эволюции цивилизационного знания и переходами от доминирования одного типа научной рациональности к доминированию другого в указанной выше последовательности. На примере историографических источников её выделил И.Н. Ионов, заключивший, что и «в отечественной теории истории взаимодействуют сейчас не просто теория формаций и различные версии теории цивилизаций, а теории, принадлежащие к различным по своей природе и задачам формам знания: классической науке (теория формаций и позитивистский вариант теории цивилизаций), неклассической науке (теория цивилизаций школы «Анналов», за исключением ее «четвертого поколения», и родственная ей часть культурологии), а также элементы исторических теорий постнеклассической науки»²⁴.

В поисках методологического инструментария для изучения свойств цивилизационного общества как целого, исследователь неизбежно обратит внимание на возможности нео-(пост) классической модели историче-

---

²² См.: Стёпин. 1999.

²³ См.: Лубский. 2004(а).

²⁴ Ионов. 1997. С. 133.

ского познания, которая, по мнению О.Г. Дуки, зарождается в междисциплинарном пространстве и ориентирована на синтез комплементарных естественнонаучных и социально-гуманитарных концепций, в совокупности выражающих многообразие предметных подходов²⁵. Как нам представляется, формационный, модернизационный, цивилизационный, ментальный и др. аналитические ресурсы должны работать в диалогическом режиме, и эти методологически важные каркасы образуют теоретическую основу для приближения к корректной интерпретации феномена локальной цивилизации. Об этом писал В.В. Согрин²⁶, одним из первых указавших на проблему необходимости не противопоставления указанных подходов друг другу, но напротив, синкретичного использования, без чего невозможен путь к историческому синтезу, а стало быть, продолжая его мысль – и к построению теории локальной цивилизации.

Принцип психологизма побуждает выявлять специфику экзистенциальных представлений людей о мире и о себе, обусловленных менталитетом, верой, мировоззрением, ориентирует на усвоение общего и особенного в социокультурных портретах локальных цивилизаций.

В социальной психологии считается доказанным, что в разные периоды жизни в связи с адаптацией к меняющейся окружающей среде корректируются свойства психики человека, предопределяющие, в свою очередь, установки мышления и поведения²⁷. В развитие этой идеи, идеи В. Дильтея придать психологизму статус важнейшего принципа методологии гуманитарных наук и П.Н. Милюкова, определявшего психологию человека конечной основной клеткой исторического анализа²⁸, в современных социогуманитарных науках ставится вопрос о ментальном изменении истории как методе исторического познания²⁹.

Осознание необходимости в данном принципе приходит по мере того, как учёный открывает для себя эвристический потенциал историко-психологического знания, каждый раз напоминающего о себе, если поставлена цель выявить нюансы духовной атмосферы изучаемого периода, настроения масс и мотивы поступков, которые далеко не всегда представляли собой следствие материальных причин. Впрочем, сущность последних не выводится из самой себя, но в истоках обнаруживает психологическую субстанцию. Или, как точнее выразился Ю.П. Малинин, «психология ...сопричастна всем формам жизни и их эволюции.

---

²⁵ Дука. 2001. С. 143–153.

²⁶ Согрин. 1998. С. 124.

²⁷ См.: Сикевич. 2005. С. 14–107.

²⁸ Философия. 1999. С. 94.

²⁹ Зубкова. 1995. С. 154; Розин. 2010. С. 33–41.

Поэтому исторический синтез, то есть синтез исторических знаний, возможен благодаря тщательному, всестороннему изучению именно социальной психологии, поскольку она представляет собой ту стихию, где в наиболее концентрированном виде соединились все особенности той или иной цивилизации»³⁰.

Одной из проблем, сопряжённых с указанным принципом, является определение сущности этнического менталитета в структурно-содержательном плане (и это при отсутствии дефиниции, общепризнанной научным сообществом), поиск и изучение его проявлений во всех сферах жизнедеятельности. Вместе с тем в этой нише знания, отличающейся разнообразием подходов, всё больше сторонников приобретает продуктивный, на наш взгляд, опыт локализации менталитета в архетипических образах, относимых психологами к области врождённого коллективного бессознательного³¹. Последние, по их убеждению, обуславливают специфику многочисленных коммуникативных каналов, структуры и внутреннего содержания, в первую очередь этнической среды как ядра социальной системы общества, изначально представляющей собой результат психологической адаптации населения к историческим событиям и другим внешним и внутренним факторам в пределах общей для проживания территории с особыми свойствами биосферы.

В отечественной историографии имеются единичные случаи систематизации архетипических образов в структуре менталитета на примере русских³². Правомерность такого опыта была подтверждена проведённой нами на основе историографических источников экспертизы смыслов концепции о мобилизационном типе развития и идеи державности, по результатам которой был сделан вывод о том, что сформировавшиеся в период становления и подъёма российской цивилизации тенденция доминирования мобилизационного типа развития общества и духовная практика идеализации государственной власти в контексте державности, сохранившиеся к началу XXI в. и осмысленные историка-

---

³⁰ *Малинин*. 2000. С. 4–5.

³¹ См.: *Васильева*. 2002. С. 26–33; *Вьюнов*. 2005; *Захаров*. 2008. С. 117–132 и др. О границах функционирования бессознательного и осознанного лаконично высказался А.Э. Воскобойников, утверждавший, что «бессознательное нацелено на обеспечение сохранения психического, а сознание – на изменение разнообразных свойств и процессов, характеризующих жизнь человека на психическом и социокультурном уровнях» (*Воскобойников*. 1997. С. 141–142). С одной стороны, постоянно идёт процесс вытеснения коллективных переживаний в глубины бессознательного, с другой – ощущается обратное влияние бессознательного на сферу осознанного.

³² *Лубский*. 2004; *Морозов*. 2014. С. 221–246.

ми, являются признаками проявления одноимённых архетипических образов коллективного бессознательного³³.

Можно предположить, что свойства локальной цивилизации как целого идентифицируются в структуре менталитета титульного этноса. В публицистике понятие «титульный этнос» приобрело «налёт» национально избыточно ориентированной характеристики в связи с его отождествлением с частью населения (народом), национальность которого определяет официальное наименование государства. Однако, как показывает история, титульный этнос, как и религия, выполняет функцию консолидации народов в суперэтническую целостность³⁴. С утратой им по каким-либо причинам указанной функции суперэтнос (а следовательно и локальная цивилизация) кардинально трансформируется.

Проблему составляет путаница в терминах, используемых для конструирования историко-психологического контекста (разграничение смыслов или наоборот их отождествление), которая может возникнуть вследствие нечёткой позиции в отношении родственных понятий «менталитет» и «ментальность». Последнее получило глубокое обоснование в трудах А.Я. Гуревича, согласно которому ментальность – не только социально-психологические установки, способы восприятия, манера чувствовать и думать, способы выражения повседневного облика коллективного сознания, не отрефлексированного и не систематизированного посредством целенаправленных умственных усилий мыслителей и теоретиков, но и метод историко-психологической реконструкции субъектов истории, решающий первую проблему любого исторического исследования – построение предварительной рабочей модели ментальности рассматриваемой эпохи, на фундаменте которой возможно рассмотрение собственно темы³⁵. Иначе говоря, ментальность социальной группы представляет собой иерархически упорядоченную систему сходных неосознаваемых мыслительных и поведенческих автоматизмов с исторически меняющимися смыслами деятельности, проявляющуюся у её членов благодаря сходству защитных механизмов, приобретённых в условиях специфики общей среды жизнедеятельности: территориальной, профессиональной или конфессиональной, выступающей видовым признаком ментальности.

Принцип историзма нацеливает на учёт взаимосвязи между возрастом локальной цивилизации и качественными характеристиками присущих ей в конкретный период социальных отношений. Он фокуси-

---

³³ Там же. С. 284–381.

³⁴ *Майборода*. 1998. С. 17, 19–20.

³⁵ *Гуревич*. 1989. С. 115; 1993. С. 20.

рует внимание на неоднородности человечества, при взгляде на которое, образно представленным Л.Б. Алаевым, «с высоты спутника и рассматривая его историю в масштабе тысячелетий, мы можем зафиксировать поступательное движение по вполне определённым этапам. Спускаясь ниже, мы видим разнообразные движения отдельных культур и цивилизаций, вписывающиеся в общемировой процесс или же направляющиеся в обратном направлении. Спускаясь ещё ниже, мы видим траектории движения отдельных обществ, социумов – совершенно уникальные, никто не может повторить траекторию другого. Каждый социум, чтобы не исчезнуть, должен избрать некий свой путь приспособления к мировой ситуации: сочетать свою идентичность с вызовами других социумов и цивилизаций»³⁶.

Изучение локальной цивилизации в параметрах времени предполагает поиск синхронных и асинхронных длительностей взаимосвязанных процессов и явлений, указывающих на динамику её жизнедеятельности. При этом важно сделать правильный выбор масштаба шкалы для измерения времени изучаемой системы, при несоответствии с которым понимание её свойств как целостности деформируется. В случае искусственного занижения значений шкалы (распространённый пример – абсолютизация хронологии истории государства) центр внимания исследователя неизменно перемещается на составляющие временные (политические, экономические и другие) потоки, упуская видение целого. В случае завышения – искомое целое растворяется в планетарной системности (пример – идеи о ноосферной цивилизации).

Методологическое значение приобретают рассуждения О.Г. Дуки о выборе типа исследовательской оптики, согласно которому линейная модель соответствует наблюдению за объектом с очень большого расстояния, затем по мере приближения становится очевидным волнообразный характер исторического процесса, обосновывающий переход к представлениям о спиралевидной модели развития и цикличности времени существования цивилизации. Следующее приближение позволяет фиксировать характер движения отдельных сфер в виде синхронных спиралей, и в последнем приближении актуализируется синергетическая модель развития, обосновывающая индивидуальную конфигурацию траектории движения социумов и их структур, вызванную наличием неупорядоченных, стохастических переходных периодов³⁷. Тезис И.А. Петровой о том, что психофизиологическая природа человека есть субстрат

---

³⁶ Алаев. 2012. С. 15–16.

³⁷ Дука. 2001. С. 190–191.

формирования представлений о времени³⁸, характеризует истоки, в первую очередь, этнического времени, которое у неё позиционировалось в качестве ядра социальной темпоральности. Приведённые выше рассуждения подводят к мысли о наличии тесной взаимосвязи между контурами времени локальной цивилизации и её организующего суперэтноса, т.е. соотносимыми по масштабу системностями, вторая из которых выступает в качестве биосоциальной основы первой.

В разрезе тематики локальной цивилизации принцип историзма обречён работать в режиме изучения фаз жизненного цикла суперэтноса, внутри которых существует взаимосвязь потоков этнического и других типов социального времени с учётом смены императивов в отношении общества к индивиду, сформулированных Л.Н. Гумилёвым³⁹, а также изменчивости религиозных, идеологических, научных, эстетических и иных установок поколений, и влияния ментальных структур.

Таким образом, рассмотренные выше принципы, а именно: холизма, психологизма, историзма, а также решение связанных с ними научных проблем в сумме конкретизируют подход к историческому познанию локальной цивилизации как целого и в её контексте – пониманию цивилизационной специфики составляющих социальных структур. Они представляют собой программный уровень методологической стратегии, обуславливают её комплектацию технологиями, приёмами исследования и аналитическими ресурсами других подходов для решения поставленных задач, способствуют дальнейшей кристаллизации знаний о локальной цивилизации в соответствующую теорию. Последняя представляется нам в виде совокупности концепций, сфокусированных на неоклассической интерпретации проблемы менталитета титульного этноса в истории общества, раскрывающих её (локальной цивилизации) сущность на основе принципов цивилизационного подхода.

---

³⁸ Петрова. 2000. С. 7.

³⁹ Расшировка смыслов императивов позволяет говорить о полном цикле эволюции общественных настроений, который на примере истории России зарождался одновременно с атмосферой культивирования патриотической доминанты в поведении ещё не осознающей себя личности (главная идея фазы подъёма – «общественный долг»), впоследствии уступившей место возвышению её гражданской значимости и созданию кумиров (идея акматической фазы – «сила и натиск»), за которыми следовало разочарование широких масс в прежних идеалах (фаза надлома), и постепенный переход от ориентации на созидание к мотивам непосредственной выгоды и пренебрежения долгу (идея инерционной фазы – «Правила и Закон»). В фазе обскурации (ведущий императив – «никому ничего не надо») «исчезает сама возможность сохранения этнической доминанты». (Гумилёв. 2007. С. 288–289, 464).

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алаев Л.Б.* Мировой исторический процесс: единство в многообразии // Многофакторный подход к изучению истории как проблема методологии: круглый стол в Московском государственном областном университете. М.: МГОУ, 2012. С. 8–16.
- Барз М.А.* Цивилизационный подход к истории: Дань конъюнктуре или требование науки? // Цивилизации. М.: «Наука», 1993. Вып. 2. С. 8–18.
- Большаков В.И.* Грани русской цивилизации. М.: [б. и.], 1999. 384 с.
- Васильева К.К.* Менталитет: онто-этнологическое измерение: (На примере бурятского этноса). М.: Русский мир, 2002. 199 с.
- Воскобойников А.Э.* Бессознательное и сознательное в духовном мире человека: дис. ... д-ра филос. наук. М., 1997. 339 с.
- Вьюнов Ю.А.* Русский культурный архетип. Страноведение России: учебное пособие. М.: Наука: Флинта, 2005. 480 с.
- Гизатуллина Г.А.* Сравнительный анализ формационной и цивилизационной концепции (философско-методологический аспект): дис. ... канд. филос. наук. Казань, 2001. 132 с.
- Гумилёв Л.Н.* От Руси до России: очерки этнической истории. М.: Айрис–Пресс, 2007. 320 с.
- Гумилёв Л.Н.* Струна истории. Лекции по этнологии. М.: Айрис-пресс, 2007. 608 с.
- Гумилёв Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. М.: АСТ, 2001. 560 с.
- Гуревич А.Я.* От истории ментальностей к историческому синтезу // Споры о главном. Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов» / Отв. ред. Ю.Л. Бессмертный. М.: Наука, 1993. С. 16–29.
- Гуревич А.Я.* Смерть как проблема исторической антропологии // Одиссей. Человек в истории. 1989. М.: Наука, 1989. С. 114–135.
- Дука О.Г.* Эпистемологический анализ теорий и концепций исторического развития с позиций вероятностно-смыслового подхода (на примере российской историографии). Омск: Изд-во ОмГАУ, 2001. 223 с.
- Емельянов-Лукьянчиков М.А.* Иерархия радуги: русская цивилизация в наследии К.Н. Леонтьева, Н.Я. Данилевского, О.А. Шпенглера, А.Дж. Тойнби. М.: Рус. мирь, 2008. 694 с.
- Захаров В.К.* О некоторых архетипах российской цивилизации // Общество. Государство. Политика. 2008. № 1. С. 117–132.
- Зубкова Е.Ю., Куртиянов А.И.* Ментальное измерение истории: поиски метода // Вопросы истории. 1995. № 7. С. 153–160.
- Ионов И.Н.* Рецензия. Л.И. Рейснер. Цивилизация и способ общения. М.: «Восточная литература», 1993. 307 с. // Восток. 1994. № 2. С. 185–187.
- Ионов И.Н.* Теория цивилизаций и эволюция научного знания // Общественные науки и современность. 1997. № 6. С. 118–135.
- Ионов И.Н.* Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия. М.: Наука, 2007. 499 с.
- Келле В.Ж.* Проблема многомерности в методологии социально-исторического познания // Проблемы исторического познания / Отв. ред. К.В. Хвостова. М.: ИВИ РАН, 2002. С. 28–41.
- Кибасова Г.П.* Этническое пространство России: социально-философский анализ: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Волгоград, 2004. 55 с.

- Книжников Н.Н.* Особенности цивилизационного подхода к определению типологии культурно-исторического: автореф. дис. ... канд. культурологии. Нижневартовск, 1999. 24 с.
- Ковалёв А.М.* Промышленная цивилизация и судьба России: Идеи, размышления, гипотезы. М.: Изд-во «ЧеРо», 2003. 396 с.
- Коваль Б.И.* К вопросу о методологии цивилизационного анализа // Цивилизационные исследования / Отв. ред. Б.И. Коваль. М.: Ин-т Лат. Америки, 1996. С. 6–21.
- Ковальченко И.Д.* Многомерность исторического развития. Типология, периодизация, цивилизационный подход // Свободная мысль. 1995. № 10. С. 77–88.
- Кондаков И.В. Соколов К.Б., Хренов Н.А.* Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты. М.: Прогресс-Традиция, 2011. 1024 с.
- Лубский А.В.* Альтернативные модели исторического исследования. М.: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2004(а). 340 с.
- Лубский А.В.* Россия как цивилизация: многомерный конструкт исследования. [Электронный ресурс] // Гуманитарный ежегодник. № 3 (ч. 1). Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовск. ун-та, 2004. URL: <http://ippk.edu.mhost.ru/content/view/161/34/>.
- Майборода Э.Т.* Феномен суперэтноса: Философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ставрополь, 1998. 29 с.
- Малинин Ю.П.* Общественно-политическая жизнь позднесредневековой Франции XIV–XV века. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2000. 326 с.
- Мельников Ю.Н.* Циклическое развитие общественных систем в России. Ульяновск: Симбирская книга, 2005. 224 с.
- Могильницкий Б.Г.* История исторической мысли XX века: Курс лекций. Вып. I: Кризис историзма. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 206 с.; Вып. II: Становление «новой исторической науки». Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. 178 с.
- Могильницкий Б.Г.* Формационный и цивилизационный подходы в изучении истории: антагонизмы или союзники? // Многофакторный подход к изучению истории как проблема методологии: круглый стол в Московском государственном областном университете. М.: Изд-во МГОУ, 2012. С. 38–45.
- Морозов Н.М.* Концептуализация исторического знания о российской цивилизации на рубеже XX–XXI вв. Кемерово: Изд-во «Практика», 2014. 401 с.
- Николаева И.Ю.* Полидисциплинарный синтез и верификация в истории. Изд. 2-е, доп. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 410 с.
- Олех Л.Г.* Принцип цивилизованности в историко-социологическом познании. Новосибирск: Новосибирский ун-т, 1994. 116 с.
- Панфилова Т.В.* «Формационный» и «цивилизационный» подходы: возможности и ограниченность // Общественные науки и современность. 1993. № 6. С. 84–97.
- Петрова И.А.* Особенности цивилизационного развития России в этническом времени: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Волгоград, 2000. 49 с.
- Платонов О.А.* Русская цивилизация. История и идеология русского народа. М.: Алгоритм, 2010. 944 с.
- Поляков Ю.А.* Как отразить многомерность истории // Новая и новейшая история. 2003. № 1. С. 3–8.
- Попов Ю.П.* Логика. Часть 1. Владивосток: ДГУ, 1999. 98 с.

- Радугин А.А.* Формационный и цивилизационный подходы в историческом познании // История России. Россия в мировой цивилизации. Курс лекций / Под ред. А.А. Радугина. М.: Библионика, 2004. С. 14–20.
- Ракитов А.И.* Цивилизация, культура, технология и рынок // Вопросы философии. 1992. № 5. С. 3–15.
- Рамазанов С.П.* О принципе дополнительности в историческом познании // Диалог со временем. 2013. № 43. С. 24–29.
- Ретина Л.П.* Теоретические новации в современной историографии // Харьківський історіографічний збірник. 2010. Вип. 10. С. 10–40.
- Розин В.М.* Смысл русской ментальности и духовности // Философские науки. 2010. № 3. С. 33–41.
- Свистунов М.Н.* Российская цивилизация и православие: диалектика их взаимоотношений и перспективы развития: дис. ... д-ра филос. наук. М., 2005. 306 с.
- Сенявский А.С.* Цивилизационный подход к российской истории: теоретико-методологические аспекты // История России: Теоретические проблемы. Вып. 1: Российская цивилизация: Опыт исторического и междисциплинарного изучения / Отв. ред. А.С. Сенявский; Ин-т рос. истории. М.: Наука, 2002. С. 59–69.
- Сикевич З.В., Крокинская О.К., Поссель Ю.А.* Социальное бессознательное: социологический и социально-психологический аспекты. СПб.: Питер, 2005. 267 с.
- Следзевский И.В.* Особенности и возможности цивилизационного подхода // История России: Теоретические проблемы. Вып. 1: Российская цивилизация: Опыт исторического и междисциплинарного изучения / Отв. ред. А.С. Сенявский; Ин-т рос. истории. М.: Наука, 2002. С. 21–28.
- Согрин В.В.* Теоретические подходы к российской истории конца XX века // Ответственные науки и современность. 1998. № 4. С. 124–134.
- Стёпин В.С.* Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М.: «Прогресс-традиция», 1999. 475 с.
- Хвостова К.В.* Механизмы воспроизводства цивилизаций // Цивилизации. Вып. 7: Диалог культур и цивилизаций / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 2006. С. 92–104.
- Хут Л.Р.* Теоретико-методологические проблемы изучения истории нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2010. 522 с.
- Философия: Учебник / Под ред. проф. О.А. Митрошенкова. М.: Гардарики, 2002. 655 с.
- Философия истории: Учеб. пособие / Под ред. проф. А.С. Панарина. М.: Гардарики, 1999. 432 с.
- Формации или цивилизации? (Материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 34–59.
- Шаповалов В.Ф.* Россиеведение: учебное пособие для вузов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. 576 с.
- Шеуджен Э.А.* Введение в методологию научного исследования. Майкоп: Изд-во АГУ, 2001. 35 с.
- Морозов Николай Михайлович**, кандидат исторических наук, научный сотрудник лаборатории истории Южной Сибири Института экологии человека СО РАН; open.777@mail.ru